

**А. Н. Соловьев**

## **СУДЬЯ КАК ОБЪЕКТ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ**

В статье рассматриваются проблемы проведения оперативно-разыскных мероприятий в отношении судей. Проводится анализ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и иных нормативных правовых актов, регламентирующих правовой статус судей, влияющий на проведение оперативно-разыскных мероприятий в отношении судей, подозреваемых в совершении коррупционных преступлений. Выводы автора подтверждаются проведенным эмпирическим исследованием путем опроса сотрудников оперативных и следственных подразделений, осуществлявших выявление, предупреждение, раскрытие и расследование преступлений коррупционной направленности. Автор приходит к выводу, что, стремясь обеспечить беспристрастность и объективность судебного рассмотрения дел, законодатель обеспечил судей административной и процессуальной независимостью, что привело к консолидации судей, подверженных влиянию коррупции, создавших закрытое сообщество, оберегающее интересы его членов. В этих условиях проведение оперативно-разыскных мероприятий в отношении судей, подозреваемых в совершении коррупционных преступлений, эффективно крайне сложно осуществлять.

*Ключевые слова:* судья, суд, коррупция, преступление, оперативно-разыскная деятельность, уголовно-процессуальная деятельность.

**A. N. Solov'ev**

## **JUDGE AS AN OBJECT OF THE DETECTIVE PROCEDURE OF CORRUPTION RELATED CRIMES**

The article reveals the problem of conducting detective procedures towards judges. The Criminal Code of the Russian Federation is examined on the question of the legal acts regulating detective procedure in the attitude of judges suspected in corruption related crimes. The author conclusions are proved by the empiric studies interviewing the operatives solving corruptive offences. The author sums up the special status of judges makes them more vulnerable to corruption. According to the mentioned conditions it's very difficult to accomplish the efficient anti-corruption activities towards judges.

*Keywords:* judge, court, corruption, crime, detective procedures, criminal procedure.

В процессе глобализации становится очевидным, что коррупция является прямой угрозой безопасности любого государства. На реальное осознание этой угрозы мировым сообществом указывают принятие на международном, национальном уровнях нормативно-правовых актов, непосредственно касающихся вопросов виновно совершенных общественно опасных деяний, связанных с использованием возможностей лиц, наделенных публичной властью, запрещенных уголовным законом под угрозой наказания. Именно этот спектр деяний, относимых нами к «коррупционным преступлениям», представляет наибольшую опасность.

Основываясь на международном и

историческом опыте, можно констатировать, что понимание системного характера коррупционных проявлений вызывает необходимость выработки системного подхода в борьбе с ними. История свидетельствует о том, что несоблюдение обоснованных требований сочетания карательной, праввосстановительной и профилактической политики государства в борьбе с коррупцией приводит к экономическому, политическому и социальному кризису. В основе таких кризисов всегда лежит элитарная коррупция, характеризующаяся «высоким социальным положением субъектов ее совершения; изощренно-интеллектуальными способами их действий; огромным материальным, физическим и моральным ущербом; исключительной

латентностью посягательств; снисходительным и даже бережным отношением властей к этой группе преступников» [1, с. 99, 100].

В этой связи следует обратить внимание на то, что в существующих рекомендациях международного сообщества, посвященных указанной проблеме [2, с. 9], большое значение придается учету исторических и национальных особенностей организации борьбы с коррупцией и организованной преступностью. Мы разделяем точку зрения В. В. Астанина, полагающего, что такая позиция между-народного сообщества «вполне может послужить опорой рациональному консерватизму, основанному на выявлении и сохранении опыта системного подхода к борьбе с коррупцией в условиях политических и социально-экономических изменений российской государственности со второй половины XVI века» [3, с. 3].

Полагаем, что в борьбе с коррупцией в судебной системе оперативно-разыскной деятельности отводится одна из ведущих ролей ввиду специфики субъекта преступления, обладающего судебской неприкосновенностью, в том числе и от проведения в отношении него оперативно-разыскных мероприятий.

Изучение современного состояния коррупционной преступности в судах позволило сделать выводы о том, что судья как специфический субъект любого преступления, в том числе и коррупционной направленности, характеризуется, на наш взгляд, рядом специфических признаков, определяющих организацию и тактику выявления и раскрытия преступлений коррупционной направленности судей.

Во-первых, судебская неприкосновенность (на данное обстоятельство указало более 80 % опрошенных сотрудников оперативных подразделений). 26 июня 1992 г. был принят закон Российской Федерации № 3132-1, регламентирующий статус судей [4]. Ст. 16 данного Закона посвящена неприкосновенности судьи.

В частности, если рассматривать судью в качестве субъекта совершения коррупционного преступления, то полагаем, что такой субъект может воспользоваться следующими положениями данного нормативного акта, которые могут затруднить или воспрепятствовать законной деятельности оперативных подразделений:

— неприкосновенность личности, неприкосновенность занимаемых судьей жилых и служебных помещений, используемых им личных и служебных транспортных средств, принадлежащих ему документов, багажа и иного имущества, тайну переписки и иной корреспонденции (телефонных переговоров, почтовых, телеграфных, других электрических и иных принимаемых и отправляемых судьей сообщений);

— особый порядок возбуждения уголовного дела в отношении судьи, изменения в ходе расследования уголовного дела квалификации состава преступления (на сложности возбуждения в отношении судьи уголовного дела указало более 80 % респондентов);

— особый порядок привлечения судьи к административной ответственности (на сложности возбуждения административного производства указало более 2/3 опрошенных сотрудников оперативных подразделений);

— особый порядок задержания судьи по подозрению в совершении преступления (отметили 76 % респондентов);

— особый порядок личного досмотра судьи (судейская неприкосновенность, осложняющая личный досмотр судьи — 31 %).

В этих же целях, т. е. в целях противодействия оперативно-разыскной деятельности и расследованию, может быть использован судьей, совершающим коррупционные преступления, и п. 9 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «О противодействии коррупции» [5], гласящий о неукоснительном соблюдении принципов независимости судей и невмешательства в судебную деятельность государственными органами при повышении эффективности противодействия коррупции.

Думается, данные положения обязаны знать и учитывать в своей повседневной деятельности оперативные сотрудники, осуществляющие предупреждение и раскрытие коррупционных преступлений.

Кроме того, федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» также устанавливает особый порядок в отношении судей [6]. В частности, ст. 17 данного нормативного акта запрещает органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, использовать конфиденциальное содействие по контракту судей. Как показал опрос сотрудников оперативных подразделений, осуществляющих

предупреждение и раскрытие коррупционных преступлений, большинство из них считают, что данное положение существенно затрудняет деятельность оперативных подразделений по получению оперативно значимой информации (78 %). По их мнению судьи свободно делятся между собой информацией, представляющей собой ценный оперативный интерес (отметили 63 % респондентов).

Во-вторых, говоря о судье как о субъекте коррупционного преступления, кроме правового аспекта считаем необходимым отметить также такой тактический аспект, как полная осведомленность его о силах, средствах и методах оперативно-разыскной деятельности, что является фактором, крайне затрудняющим проведение оперативно-разыскных мероприятий по документированию преступной деятельности фигуранта. На данное обстоятельство указало 46 % опрошенных сотрудников оперативных подразделений.

Аналогичным является и тот факт, что судья не просто владеет знаниями по законодательству, он обладает высшей юридической квалификацией, что для оперативного сотрудника и следователя должно означать, что фигурант знает также, где самые важные и опорные позиции доказательственной базы его преступления, где слабые места стороны обвинения, где обычно совершаются ошибки и недочеты следователями, расследующими уголовные дела, и оперативными сотрудниками, оформляющими материалы по факту коррупционного преступления. Таким образом, сотрудники правоохранительных органов, осуществляющих свою деятельность по линии коррупции в судебных органах, должны себе четко представлять, что их контрагент — «матерый профессионал», который не упустит ни одной малейшей неточности, чтобы уйти от ответственности. По мнению опрошенных сотрудников оперативных подразделений (отметили 64 % респондентов), наличие у судьи высшей юридической квалификации является основной причиной криминального противодействия раскрытию и расследованию коррупционных преступлений.

В-третьих, наличие возможных личных, родственных, дружеских и прочих связей разрабатываемого фигуранта как в пределах судебной системы (по всей вертикали судебной власти, что и образует закрытость судейского

общества), так и за ее пределами. Имеются ввиду связи в других правоохранительных органах — прокуратуре, МВД (в т. ч. руководство территориальных органов внутренних дел и непосредственно оперативных подразделений), что, соответственно, не исключает возможность утечки оперативной информации. Возможность утечки информации из правоохранительных органов по причине наличия какой-либо связи между судьей и подразделением, осуществляющим противодействие коррупции, отметили в ходе опроса 39 % респондентов.

На фоне сказанного принятие Федерального закона Российской Федерации от 10 июля 2012 г. № 114-ФЗ «О внесении изменений в статью 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и статью 9 федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» [7] является реализацией насущной потребности правоприменительной деятельности.

Необходимость в принятии данного нормативного акта, инициатором которого является Министерство юстиции, назрела давно, а поводом к его принятию послужил конкретный случай, доказывающий высокую коррумпированность представителей судебной системы. «Игорь Андросов, бывший судья Ворошиловского районного суда Ростова-на-Дону, попал в поле зрения правоохранителей в связи с подозрением в совершении преступления. Однако за получением разрешения на осуществление оперативных мероприятий в отношении судьи оперативники обратились в другой регион из соображений конспирации — судья в «домашнем» регионе имел обширные связи и мог узнать о ведущемся расследовании. Краснодарский краевой суд такое разрешение выдал. Факт совершения преступления подтвердился, после чего судья лишился своего статуса. Однако, будучи возмущен тем фактом, что слежку за ним санкционировал суд другого региона, Андросов обратился в Конституционный суд с соответствующей жалобой.

Мотивация оперативников была проста — при попытке получить разрешение на слежку в Ростовской области подозреваемый бы однозначно узнал об этом. Именно в целях соблюдения конспирации оперативники и обратились в другой регион. Конституционный суд счел позицию следствия верной, после чего

решение данного суда легло в основу нового законопроекта» [8].

Таким образом, принятие данного Закона в деле противодействия коррупции имеет большое значение: после вступления его в законную силу решение об осуществлении в отношении судьи оперативно-разыскных мероприятий, а также следственных действий (если уголовное дело не возбуждено), связанных с ограничением его гражданских прав либо с нарушением его неприкосновенности, может осуществляться не только в суде по месту следствия или нахождения компетентного органа, но и в любом другом равнозначном по компетенции суде, определенном председателем Верховного суда страны или его заместителями.

Для разрешения подобных вопросов в судах другой территориальной юрисдикции достаточно лишь угрозы рассекречивания проводимых оперативно-разыскных мероприятий. Территориальная подсудность материалов об оперативно-разыскных мероприятиях в отношении судей отныне закреплена уголовно-процессуальными и оперативно-разыскными нормами.

В-четвертых, хочется отметить, что в настоящий момент правовое положение судей и компетенция, закрепленная за ними законодательством, таковы, что позволяют использовать свои субъективные права в собственную выгоду во вред регулируемым общественным отношениям путем предоставления определенным субъектам различного рода правовых привилегий. Судья, находясь в таком правовом статусе и обладая такими широкими полномочиями по толкованию своего субъективного права, является фигурой, не ограниченной в свободе выбора ничем, кроме моральных устоев, и может использовать свою свободу в личных интересах.

Возвращаясь к теме чрезмерно широких возможностей судьи по использованию своего субъективного усмотрения, отмечаем, что, с точки зрения злоупотребления властью свобода судейского усмотрения представляет собой существенную опасность. Думается, для ограничения различного рода злоупотреблений должны применяться и юридические, и морально-психологические способы. Достигается это прежде всего принятием субъектами, склонными к злоупотреблениям в силу своего особого правового

статуса, точно установленных моральных обязанностей в дополнение к правовым запретам. Таким образом, полагаем, что сужение пределов судейского субъективного усмотрения может представлять собой способ предотвращения злоупотребления судьями соответствующим правом.

Кроме названных выше основных причин сложившейся ситуации в рассматриваемой сфере, можно также отметить еще одну: нормы Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражно-процессуального кодекса Российской Федерации предусматривают существенное сужение границ вмешательства органов прокуратуры в процесс судебного разбирательства, особенно в части, касающейся проверки законности и обоснованности судебных постановлений в порядке надзора, как считает В. М. Простова. Гражданский процессуальный кодекс РФ расширяет круг оснований для объявления процесса закрытым. Это может быть не только государственная тайна и тайна усыновления, но и коммерческая тайна, тайна семейной жизни и др., что позволяет судьям «закрывать» практически любой судебный процесс. А отсутствие в ГПК РФ института народных заседателей (общественного контроля) нивелирует ходатайство участника процесса об отводе судьи, так как согласно п. 2 ст. 20 ГПК РФ именно судье придется рассматривать вопрос о своем отводе, что прежде входило в компетенцию народных заседателей [9].

Усугубляет ситуацию, связанную с развитием коррупции в судах, то, что вынесение судьей неправосудных решений не является основанием прекращения его полномочий. Незаконное решение может быть отменено вышестоящим судом, при этом объективность судьи не подвергается сомнению. Частные определения в адрес таких судей очень редки даже в случае вынесения судьей необъяснимого с точки зрения законности решения, что явно указывает на заинтересованность судьи в исходе дела.

Вместе с тем проводимая в России судебная реформа предоставила судьям большую независимость, а также пожизненный срок полномочий, при этом еще создала для них особый механизм привлечения к дисциплинарной, административной и уголовной ответственности, которые наступают, как правило, лишь по решению квалификационных коллегий судей

(Далее — ККС). По существу, независимость судей превратилась практически во вседозволенность, а также в бесконтрольность судебного усмотрения и безнаказанность в случае принятия неправосудного решения.

Полагаем, что в сложившейся ситуации, обеспечивающей «преступникам в судебных мантиях» надежное прикрытие достаточно закрытым судебным сообществом, создались все условия для роста и развития коррупции. Причем о глубине проникновения коррупции и ее масштабах трудно получить сколько-нибудь точные показатели. Судебная практика изобилует многочисленными нарушениями, которые в уголовном праве именуются преступлениями против правосудия, что негативно сказывается на процессе борьбы с коррупцией, в том числе при осуществлении правосудия (имеется в виду подкуп свидетелей, экспертов, фальсификация судебных документов и т. д.). Однако это всего лишь единичные случаи, которые стали достоянием общественности. Каков реальный процент таких фактов по отношению ко всем выносимым судебным решениям? Данную информацию получить невозможно ввиду латентного характера коррупционных преступных деяний в судебных органах. А ведь кроме этого, как считает В. М. Простова, имели место случаи, когда ККС субъектов Федерации отказывали в привлечении судей к ответственности на том основании, что от неправосудного судебного акта никто не понес материальных потерь, не учитывая при этом такой моральный аспект, как снижение авторитета судебной власти [9].

В заключение считаем возможным сделать следующие выводы: стремясь обеспечить беспристрастность и объективность судебного рассмотрения дел, законодатель обеспечил судей административной и процессуальной независимостью, однако это привело к консолидации судей, подверженных влиянию коррупции, создавших закрытое сообщество, оберегающее интересы его членов.

Сложившаяся в современных условиях обстановка максимально затрудняет оперативно-разыскную деятельность по выявлению коррупционеров в судебных органах и документированию их преступной деятельности. Чтобы выявлять коррумпированных судей и фиксировать их преступные действия, оперативные сотрудники должны быть

профессионалами в своем деле, иметь полную правовую подготовку, быть хорошо организованными, обладать знаниями оперативно-разыскной тактики и оперативным талантом.

## Список библиографических ссылок

1. Лунеев В. В. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы // Гос-во и право. 2000. № 4. С. 99, 100.
  2. Доклады Генерального секретаря ООН // E/CH. 15/1997/3. 5 марта 1997. Р. 2; E/CH. 15/ 1998/ 3. 23 марта. 1998. Р. 13; и др.
  3. Астанин В. В. Борьба с коррупцией в России XVI—XX веков: диалектика системного подхода. М., 2003. С. 3.
  4. См.: О статусе судей в Российской Федерации: закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (ред. от 10.07.2012) // Информационный портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2013).
  5. О противодействии коррупции: федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. федеральных законов от 11.07.2011 № 200-ФЗ, от 21.11.2011 № 329-ФЗ) // Информационный портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2013).
  6. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 10.07.2012) // КонсультантПлюс информационно-правовой портал: [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=132504> (дата обращения: 21.09.2013).
  7. О внесении изменений в статью 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и ст. 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // КонсультантПлюс информационно-правовой портал. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=132438;fld=134;dst=100014;rnd=0.6763970539905131;dummy=2657386207> (дата обращения: 20.10.2013).
  8. Принцип конспирации при противодействии судейской коррупции // Территория права: информационное электронное издание. 17 июля 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://korrossia.ru/russia/4489-sudeyskaya-korrupciya.html> (дата обращения: 20.10.2013).
  9. Простова В. М. Меры противодействия коррупции в сфере гражданского и арбитражного судопроизводства // Современное право. 2005. № 9.
- © Соловьев А. Н., 2014